

18+

ИЛЬЯ ЕРЕМЕЕВ

СЛЕГКА АБСУРДНЫЕ ИСТОРИИ

Илья Еремеев

Слегка абсурдные истории

«Издательские решения»

Еремеев И.

Слегка абсурдные истории / И. Еремеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-652994-6

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Короткие истории с сюрреалистическими сюжетами, размышлениями о смысле жизни, любви и смерти. Абстрактные и странные, иногда логически бессвязные мысли, передающие ощущение образов. Порой чистый абсурд. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-652994-6

© Еремеев И.
© Издательские решения

Содержание

Заметки о весенних грибах	6
Вероника	7
Софокл	10
Курьёз на станции	11
Окна	14
Подземный бассейн	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Слегка абсурдные истории

Илья Еремеев

© Илья Еремеев, 2025

ISBN 978-5-0065-2994-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Заметки о весенних грибах

Видели ли вы ранние весенние грибы? Они начинают проглядываться ещё под снегом, и почти невидимы глазу. Морозные пауки плетут возле них свои гнёзда, оберегая их. Весенние грибы, как и многие высшие существа, жаждут ножа. Но жаждут его не как молодая свинина, а скорее как юная женщина – они жаждут лёгкого трепетного надреза, сообщающего нежность лезвия.

Увидеть весенний гриб, особенно в первые минуты его пробуждения, чрезвычайно грустно. Подобная печаль вынуждает поэтов слагать стихи, отчаявшихся совершать самоубийства, а честных женщин идти на измены. Только ищущему бесконечного познания будет позволено срезать гриб, не повредив рассудок.

Но что, если вы не хотите вмешиваться в таинственный замысел, но всё же случайно заметили гриб? Единственным разумным решением будет не обратить на него внимания, и уходить прочь. Только не нужно подавать вида, что вы испугались или находитесь в сомнениях. Скорее всего, гриб уже наблюдает за вами, чувствует ваши эмоции. Это означает, что вы в его власти. Чтобы освободиться от власти весеннего гриба, нужно исполнить его волю. И вот, сами того не осознавая, в необъяснимом помешательстве, вы уже срезаете его. И делаете это небрежно, в неразумной отчаянной спешке, да ещё и тупой стороной ножа. А он, трепыхаясь в ваших жестоких руках, заставит вас почувствовать себя виноватыми. Вскоре вы будете искренне раскаиваться в содеянном, и ничто до конца дней не сможет заглушить эти душевные терзания.

Лучше попробуйте как-нибудь незаметно выказать ему своё почтение, он это любит. Если на вас надета шляпа, слегка склоните голову и прикоснитесь к шляпе рукой. Лёгкий кивок головой тоже пойдёт. Только не надо пытаться как-то объясняться или оправдываться, смотреть на гриб или кланяться в землю. Весенние грибы являются частью объективной истины и часто бывают жестоки к проявлению лицемерия. Действия, которые явно выдают страхи или сомнения, приведут вас к гибели. Он найдёт предлог сделаться вашим хозяином, а вы не сможете найти причин, чтобы отказать ему и не сделаться его рабом. Помните, что весенний гриб сильнее вас, опытнее, проворнее.

Нет необходимости думать о том, как перехитрить весенний гриб. Победа над ним – это победа над собой; а побеждая себя, мы побеждаем и победителя. Так толкуют победу над ними подземные астрологи.

Не вздумайте отправляться на поиски весеннего гриба, если вы влюблены. Обязательно всё произойдёт так, чтобы в конечном итоге вы пережили самое худшее и гадкое состояние, которому может быть подвергнута человеческая природа – так называемое любовное похмелье. Гриб найдёт ваше самое слабое место и заставит страдать.

Допустимо гулять по лесу, аккуратно вороша палочкой подтаявшие сугробы в поисках смысла жизни, если сердцем вы ещё чисты. Но это вовсе не гарантирует, что, найдя под мягким снегом весенний гриб, вы обретёте смысл. Скорее всего, получится несколько обратная ситуация – вы не поймёте смысл, но обретёте весенний гриб.

В заключение необходимо отметить, что никаких весенних грибов не существует, если в них не верить.

Вероника

В верхнем углу небольшой кухни в одной из миллионов квартир была установлена телекамера, которая записывала всё происходящее на километры старой чёрно-белой плёнки. В отдалённой условной комнате условный наблюдатель мог видеть на мониторе то, что снимает эта камера. Аппаратная – так можно условно назвать эту условную комнату. Единственным источником освещения в ней является монитор, перед которым одиноко располагается табуретка. Иногда в аппаратную заходит силуэт человека, садится напротив монитора и наблюдает за тем, что происходит на экране.

Обстановка кухни самая стандартная: недорогие навесные шкафы, старая газовая плита, холодильник, стол, занимающий основную площадь в центре кухни, жесткий обеденный диван, напоминающий больше скамейку. В камеру попадает всё, кроме небольшой области в нижнем углу, не представляющей интереса для условного наблюдателя.

Часами на кухне может совершенно ничего не происходить, и тогда она кажется застывшей неподвижной картинкой. Но стоит там появиться женщине, как картинка оживает и перемещает женщину по кухне. Та наливает себе чай, закуривает сигарету, читает книгу или газету, лежащую на столе, смотрит в окно, уходит и приходит обратно.

Эту женщину зовут Вероника и ей двадцать шесть лет. С последней работы официанткой она ушла год назад, когда вышла замуж.

– Джеймс считает, что я не должна работать. Мужчина должен сам материально обеспечивать семью, – так говорит Вероника, если разговор заходит о её муже.

– Он полицейский, – добавляет она, поправляя свои длинные волосы.

Коричневое пальто, круглая шляпа, папиросы и строгий серый костюм. Джеймс одевается старомодно для своего времени, но в его образе есть что-то настоящее, вызывающее неподдельный интерес. Знакомство Джеймса с Вероникой имело место на его работе. Вероника проходила свидетелем по делу о загадочном убийстве на железнодорожной станции. На допросе она вела себя сдержанно, и даже казалось, что отстранённо, будто преступление не тревожит её измученную и усталую душу. Холодное сердце Джеймса таяло перед женственностью в каждом её слове и движении. Он понимал, что стоит ей выйти, как ожившие чувства вновь покинут эту комнату вместе со смешавшимся с сигаретным дымом запахом её духов. Он не смог с ней расстаться, и она, кажется, этого не хотела. Он понял это по тому, что, уходя, Вероника обернулась и спросила, не может ли она ещё чем-нибудь помочь расследованию, взгляд её просил о помощи. Вскоре они обвенчались в церкви святого Августина, на этом настоял Джеймс.

Когда муж приходил с работы глубокой ночью, особенно если перед этим долго не появлялся дома, то был жутко пьян, часто от него пахло другой женщиной. Веронике было безразлично, как он проводил своё время, она ничего не желала знать. Для неё было важно лишь то, что её муж возвращался, приходил именно к ней. Из его насыщенной красками и впечатлениями жизни, порой беспорядочной, ему всегда было к кому возвращаться. Его ждала Вероника, просиживая часы на чёрно-белой кухне и условно существуя за её пределами.

Ночью сверкала сильная гроза и шёл дождь. Картинка на мониторе то и дело мерцала, наполняясь на секунду ярким светом молнии. Вероника сидела за столом спиной к наблюдателю и курила. Она стала много курить, когда вышла замуж. И сейчас курила, потому что ждала, когда Джеймс своим ключом начнёт возиться в дверном замке, ступит на порог, повесит шляпу на крючок. Наконец Вероника радостно пойдёт к нему, покинув своё маленькое бессмысленное чёрно-белое пространство. Она ждала и надеялась, что камера тогда хоть на миг перестанет писать её одиночество.

Если бы она только знала, что Джеймс – полицейский, любящий муж, пусть и неверный, но такой нужный – это всего лишь плод её воображения, она бы в отчаянье сошла с ума. Джеймс – идеал мужчины в её представлении, собранный из образов вымышленных героев книг и кино. Это образ, который нужен для того, чтобы ждать его прихода, и радоваться так, как только способно радоваться сердце юной женщины. Всё до мельчайших подробностей становится ясно по изменяющейся мимике на лице Вероники, которую оставляет на плёнке навесная камера. Она повернулась и смотрит прямо в объектив. Раскаяние и сожаление, эмоции страха и тревоги, отстранённости, или улыбка. Та или иная гамма, последовательность эмоций повествует о жизни женщины.

Джеймс не любил её, влюблённость длилась не больше двух месяцев. Сейчас же, видя её преданный взгляд, он испытывал к Веронике жалость. Возможно, что Джеймс в глубине понимал, что он лишь плод её воображения; словно чувствуя, что от Вероники зависит его существование, он никогда не высказывал жене своих предположений. И даже его любящая фальшивая улыбка, осточертевшая за годы семейной жизни, ни разу не сходила с лица Джеймса, когда он возвращался домой.

– Меня не существует, – думал он, обнимая Веронику, и говоря, что скучал без неё. Он молчал, предполагая, что это окажется правдой; она поймёт, найдет логические несовпадения в ходе дней, и Джеймс просто исчезнет, как осознанная галлюцинация.

– Убей меня, – однажды произнесла Вероника, обращаясь к мужу, – Застрели из своего пистолета. Ты ведь уже убивал из него?

Этот вопрос остался без ответа. Джеймс растерянно посмотрел на неё, оценивая намерения жены по холодному, безразличному к жизни взгляду. Джеймс боялся любого своего неосторожного слова, он ощущал её безумие. Тогда Вероника подошла совсем близко и ударила его ладонью по щеке. Он продолжал молчать. Тогда она набросилась на него и стала царапать лицо. Он оттолкнул её. Вероника ударилась лицом об стол и упала. Он помог ей подняться, придерживая за локоть. Их взгляды соединились, из её разбитого носа на губы стекала кровь.

Но перед ним стояла уже не та Вероника, которую он однажды повстречал, которую обнимал и вдыхал аромат её волос. Её взгляд постарел, в лице отражалась бесконечная тяжелая пропасть скорби.

Это был момент истины, рука потянулась к пистолету. Голова жены затряслась в конвульсиях, шея стала неестественно выворачиваться назад, горло издавало протяжный булькающий хрип. Некоторое время Джеймс колебался, но, когда она направилась в его сторону, прицелился. Закрыв глаза, он заставил себя успокоиться, чтобы прошла дрожь в руках. Он медленно выдохнул, и палец плавно скользнул по курку. Промах. Пуля вошла в стену, руки снова затряслись. Он представил в памяти, как он впервые обнял Веронику и признался ей в любви. Эта мысль вернула контроль над рассудком, и он положил две пули ей точно в грудь. Но она продолжала идти на него, издавая свой жуткий хрип. Следующая пуля вошла в голову. Он не мог поверить своим глазам. Вероника продолжала стоять, но на её лице уже отражалось спокойное умиротворение.

– Ты жива, всё кончилось, какое счастье, – Джеймс подошел к ней, убирая пистолет в кобуру.

Но она ничего ему не ответила, продолжая смотреть сквозь него пустым обвиняющим взглядом. Подойдя ближе, он увидел, что её левая нога прижата стулом, а плечо упирается в стену. Он отодвинул стул, и её мёртвое тело упало на пол.

Осознав, что сделал, Джеймс выбежал из дома. Когда человек теряет всё, ради чего он жил, надежду и смысл, на своём пустом и невыносимом пути он попадает в комнату – тёмную и тихую аппаратную, чтобы стать безучастным наблюдателем. Джеймс тихо закрыл за собой дверь и сел напротив включённого монитора. На чёрно-белой плёнке была Вероника. Она обречённо смотрела в пустоту. Теперь неподвижная и мёртвая, она крепко спала на полу.

Джеймс так и остался смотреть в монитор, пока не растворился в темноте. Камера продолжала писать. После секундных технических помех тело девушки исчезло с экрана монитора. Картинка вновь застыла в ожидании чьей-то судьбы, незадаанных вопросов и найденных ответов.

Софокл

В неустановленном историей месте жил человек по имени Софокл. При рождении назван он был в честь афинского вольнодумца, оставившего в умах любопытный след философской мысли. По всей вероятности, его родители хотели, чтобы их сын унаследовал частицу античного откровения, хотя бы и только символично.

Софокл жил уединённо и даже аскетично, старался избегать контактов с людьми. Он смотрел в их лица, опасаясь чуждых ему эмоций, полагая, что они могут формализовать его абсолют нравственности. Это понятие было придумано им самим, а формализовать означало что-то между заразить и бюрократизировать.

Как-то вечером он решил помыться. Как и все люди, вечерами он мылся. Он заткнул резиновой пробкой сливную дырку в ванной и включил воду. Убедившись, что бежит тёплая, он ушёл смотреть в окно и считать проходящих внизу на улице людей. Он считал отдельно мужчин и женщин, детей, людей переходного возраста, взрослых, а также пожилых. Софокл, присев у окна и не очень удобно облокотившись, наслаивал количественные дифференцированные образы на одну статистическую картину проходящих людей, как неожиданно уснул на подоконнике.

Сон его длился недолго, минут десять. Софокл переместился в солнечную Австралию. Он осторожно шагал по бесконечной равнине, и вроде бы всё в этом сне его устраивало. На миг Софоклу показалось, что он забыл, какого он пола. И тут он заметил маленького пятнистого оленёнка размером с кулак. До чего же оленёнок был славный. Он прискакал к Софоклу и стал возле него подпрыгивать. Софокл, пропитавшись нежностью, взял его в руки и прислонил к лицу. Тёплый мягкий оленёнок тёрся об его щёку и своей милой мордашкой обнюхивал ухо. Софокл прищурил глаза, слегка раскачивая головой в такт движениям оленёнка. Неожиданно он почувствовал слабое жжение на щеке, которое расплзлось шире и глубже в Софокла. Он понял, что оленёнок внедряет в него каких-то насекомых, которые заполняют его тело в геометрической прогрессии. Софокл с ужасом отбросил оленёнка и проснулся.

Попав из сна обратно в свою квартиру, он пошел в ванну, которая уже успела набраться водой. Он ещё раз подставил руку под тёплую струю и перекрыл подачу воды. Затем он разделся, и лёг внутрь.

Но вода в сосуде оказалась очень холодной, почти ледяной. Софокл тут же выскочил обратно и подумал следующее:

– Вероятно, когда я трогал воду в первый раз, бежала тёплая. Но потом всё это время бежала холодная. А когда я подошел потрогать воду снова, струя опять на время стала тёплой. Это и объясняет то, что вода в своём среднем значении оказалась холодной.

Он подумал это и полностью растворился в собственном умозаключении.

Курьёз на станции

Всю жизнь Андрей мечтал править миром. Ему не нужна была формальная власть в виде известных человечеству форм подчинения. Свою мечту он несколько идеализировал, желая стать абсолютным князем жадного и трусливого мира человеческих существ. И даже не к управлению судьбами стремился он в своих мечтах, а к мистическому обладанию сущим.

Но постоянно жить в фантазиях невозможно, и к Андрею неизбежно приходила мысль о том, что он такое же человеческое существо, как и остальные, которые, вопреки воле, не были в его абсолютной власти. Ему были присущи все те же качества, эмоции и чувства, его тело также реагировало на внешнее раздражение, также радовалось, грустило (хотя бы грусть он и относил к высшему творческому переживанию), и он, по подобию человеческой расы, был вынужден принимать действительность с её естественными и очевидными законами.

Выпускник института ядерной энергетики, начинающий физик, Андрей не так давно устроился на атомную электростанцию, чтобы познавать её практическое устройство; состоял на должности младшего инженера системы охлаждения реактора. В текущие обязанности Андрея входило наблюдение за показаниями приборов температуры и давления в охлаждающем отсеке, ручная регулировка в случае отклонения в работе или сбоя автоматики, плановая проверка герметичности рабочих элементов.

Обычно при отклонениях и перегрузках система была запрограммирована на автоматическое восстановление рабочих параметров, а участие Андрея было необходимо лишь в самых крайних случаях. Обязательным условием его работы являлось нахождение в антирадиационном костюме, поскольку система охлаждения непосредственно контактировала с энергией атома, и, хотя конструкция станции не допускала утечки, в охлаждающих резервуарах норма радиации была превышена.

Андрей работал в ночную смену, подолгу проводя время в размышлениях о бренности сего бытия. – Любовь, – думал Андрей, возвращаясь домой ранним утром, – Что это за таинственная сила? Конкретна она или обща для всех? Реальна ли любовь или это лишь плод несбыточных надежд заблудшего в социальных предположениях разума?

Медленно шагая по пустующим улицам предрассветного города, он размышлял о вечном и том, что казалось ему непостижимым: допущение возможности жизни и неизбежности судьбы. В эти минуты он казался себе ничтожной и бессмысленной точкой на карте вселенной. Он чувствовал себя обречённым на жизнь, которая в моменты откровения была ему в тягость; он вынужден был ходить, разговаривать, чувствовать, верить. Неужели всё ради того, чтобы в итоге умереть, не оставив ничего, раствориться в вечности вслед за миллиардами людей? Его рассудку не доставало силы, возможности обладания властью, способной объяснить, и тем самым подчинить себе бытие.

Ядерный реактор для него обладал не меньшей загадочностью, чем всё остальное, и поэтому часто по пути на работу у него возникало ощущение витающей в воздухе наивной надежды. Реактор словно манил его.

В одну из своих ночных смен в размышлениях Андрей пришел к выводу о том, что души, заточённые в человеческих телах, также несчастны, как и он, одетый в непроницаемый антирадиационный костюм, который скрывал от него удивительную энергетику атомного излучения. Серьёзность этой мысли вдруг не вызвала у него сомнений, и ему захотелось снять шлем. Андрей взглянул на счётчик измерения радиации – она едва ли превышала норму, чтобы причинить вред, но казалась интересной для познания. Андрей вспомнил, что как-то в рентген-кабинете он почувствовал неожиданную эйфорию.

– Вдруг это то, что я ищу в своих бесконечных скитаниях? – думал он, – А если и нет, то чем я рискую? Всего лишь жизнью.

– Всего лишь жизнью, – повторил он вслух.

Только сейчас он осознал, что загадочная невидимая энергия нашла способ с ним контактировать, через приходящие ему в голову мысли делиться своей силой и знанием. Андрей оценил свои ощущения и решил логическую задачу, что тогда, в рентген-кабинете он познал любовь. Эта мысль стала теперь очевидной. Именно загадочная энергия позволила Андрею постичь любовь, и ничто другое не могло больше ею называться, ни один познавательный процесс в человеческом организме не мог сравниться с этим абсолютно чистым чувством. А его костюм – этот кокон, скрывает тело и разум Андрея от самого прекрасного и невыразимого с помощью слов явления.

Он, не колеблясь, надавил пальцами на защёлки и снял шлем. Только сейчас Андрей заметил, что вокруг едва колыхнется воздух. Расслабившись, он отдался нейтронному потоку, преобразующему сознание до состояния блаженства. Однако, спустя несколько минут, Андрея вдруг охватило тревожное беспокойство, чувство эйфории ослабло, радиоактивного фона было недостаточно, чтобы познать сакральную суть. Андрей хотел ещё. Он почувствовал нечто удивительное и теперь воспринимал это как должное, к которому уже успел привыкнуть.

Грустно вздохнув, Андрей прислушался, как по многочисленным окружающим его трубам системы охлаждения журчала водичка. За толстой свинцовой дверью располагался главный резервуар с водой, откуда она поступала к реактору, охлаждая его и стабилизируя ядерные процессы, жаждущие вырваться наружу. Делая круг обращения, вода возвращалась в резервуар, обогащенная радиоактивными элементами.

Андрей чувствовал, что не в силах совладать со своим телом, и разгерметизировал дверь; перед этим он забыл выровнять давление. Над дверью замигала лампочка, что означало критический уровень радиации.

Дверь приоткрылась, и Андрей, переполняемый волнительным предвкушением, осторожно протиснулся в помещение резервуара. Его взору предстал удивительный бурлящий поток. Андрей в спешке сорвал с руки раздражающе трещащий счётчик измерения радиации и бросил его в воду. Влекомый невидимой силой, он разделся и закурил. Каждой клеткой своего тела он чувствовал единение со вселенной, ему захотелось искупаться. Андрей нырял и плавал в резервуаре, открывая для себя поразительные истины человеческого бытия. Он не мог их выразить словами, но понимал абсолютно отчётливо агонизирующим в блаженстве рассудком.

Выбравшись из воды, он упал на пол и стал биться в припадке наслаждения. Казалось, что его тело перестало существовать, а разум обрёл единение с бушующим энергетическим потоком.

Откуда-то неподалёку, за толстыми бетонными и свинцовыми стенами Андрей слышал зов реактора. Подхваченный потоком счастья, он пошёл на этот зов, минуя тёмные коридоры электростанции. В эти минуты ему казалось, что он слышит голос бога, отдающийся эхом вселенной в голове Андрея. Заветная дверь к силе реактора, которую собирался впитать Андрей, была закрыта на кодовый замок; шифр он знал.

Пройдя через несколько систем защиты, Андрей, наконец, остановился в предвкушении – перед ним возвышался реактор, внутри которого бурлила самостоятельная непознанная форма жизни. Войти внутрь он не мог. Поэтому он схватил со стены пожарный топор и принялся рубить им все приборы и провода в помещении. Как и ожидалось, система перешла в экстренный режим, безуспешно предпринимая попытки остановить неизбежное – реактор перегружался. Сила уже была почти готова освободиться и войти в Андрея. Он отчётливо слышал, как в реакторе в геометрической прогрессии делятся ядра урана и плутония, стены вокруг стали издавать вибрацию.

– Склонись человечество, – величественно произнёс Андрей, разведя в стороны свои руки. Реактор содрогнулся и в один миг выработал двадцатилетний объём энергии. Удивительная вспышка окружила Андрея, сам Создатель пропустил через него абсолютную истину,

и тело стало больше не нужно. Андрей охотно сбросил своё тело, словно одежду, отпустив его в небытие. Он освободился от земной оболочки и стал частью неуправляемой разрушительной силы. Неподвластный поток энергии переместил сущность Андрея в другой, более совершенный мир, лишенный чувств и морали, жизни и смерти – только вечное блуждание среди ничего.

Окна

Из открытого окна ледяной ветер, господствующий снаружи, боролся с прокуренным воздухом одной из миллионов квартир. Из видимой обстановки: самый обычный диван, сам по себе поскрипывал самым обычным образом. Внутри дивана кто-то скрёбся, искал выход, заставляя разыгрываться воображению. В соседних окнах через одно или два горел свет, а в одиннадцатом окне слева на четвёртом этаже горел человек. Он бегал по квартире туда-сюда, барахтался, пытаясь себя потушить, а потом, смирившись с безнадёжностью попыток, сел на незамысловатую деревянную табуретку посреди комнаты, и спокойно, с грустью в глазах, тихонечко догорал.

Если перестать рассматривать окна с точки зрения наличия или отсутствия в них света, то можно было разглядеть следующее. В первом попавшемся на глаза окне действительно никого не было; обычная комната, традиционно заставленная мебелью, был виден включённый телевизор, показывающий помехи. Но позже там показался человек, который стремительно, но без явной спешки открыл окно, уверенно взобрался на подоконник и шагнул наружу. Внизу уже стояла чёрная машина; двое мужчин в пиджаках и тёмных очках быстро загрузили в неё тело, скрыв от случайных глаз единственный за всю его жизнь честный поступок.

В другом окне, не так далеко от первого, женщина в халате, стоя на стуле, вязала узел на толстой верёвке с петлёй на другом конце в месте крепления люстры, которая была предумышленно снята. Скорее всего, женщина собиралась вскоре просунуть в петлю свою голову, или же примеряла это любопытное изобретение для кого-нибудь другого.

Окном выше, мужчина крупного телосложения точил огромный нож. На его лице был противогаз, а рядом стоял человек с яблоком во рту и отведёнными за спину руками. Мужчина с ножом, закончив его точить, подошел к окну и задёрнул шторы. На шторах виднелся рисунок – небрежные красные пятна, безвкусный дизайн несостоявшегося кутюрье.

Если идти вдоль всякой улицы ночью и приглядываться к горящим окнам, то по статистике в каждом третьем окне либо кто-то готовит себе верёвку, либо ставит табурет под люстру, либо уже просто, покачиваясь, висит. По всей вероятности, пользуется популярностью такая форма выхода из тела, очевидно, по причине её простоты и верности.

Гораздо реже, прогуливаясь вдоль домов, можно увидеть людей, тыкающих пальцы в розетку, или, например, с полиэтиленовым пакетом на голове, обвязанным скотчем у основания шеи. Однако, наблюдательный прохожий всегда поймёт, что в каждой квартире этих несчётных бетонных сот совершается акт смерти. И совсем неважно, в какой форме. Кто-то убивает себя, убивает время, убивает окружающих. Средства разнообразны, как и сама жизнь. Отравляющие вещества, алкоголь и никотин, ненависть, телевизор, – на вкус каждого найдётся подходящее ему средство. С каждой секундой происходит утрупнение. Кто-то назовёт это старостью, кто-то недалёкостью, а для кого-то это душевная скудность. Так называемая длина прожитой жизни прямо пропорциональная глубине утрупнения.

Среди всех окон есть и тёмные окна, в которых не горит свет. Обычно там либо никто вообще не проживает, либо никто больше не проживает, либо это точка наблюдателя. Смотря из одной такой точки в другую, приглядевшись, можно увидеть чей-нибудь силуэт; или даже свой. Если помахать ему рукой, он помашет симметрично в ответ. Хотя это может быть просто обманом зрения или игрой воображения, и в таких окнах действительно никого нет. Тогда махать рукой будет не только некому, но и некем.

Если в тёмном окне неожиданно загорается свет, значит там вскоре кто-то начнёт себя убивать. Выходя из тени, люди стремятся к власти, славе, контролю, медленно расточают душу, удовлетворяя мелкие потребности своего существования; по лестнице к мнимой вершине стремительно падают вниз. Но в системе бесконечных окон этот процесс проходит в ускоренном

и упрощённом варианте. Люди сами дают себе то, к чему стремятся при жизни. И каждый знает, чего он заслуживает. Поэтому иногда говорят: – У него тяжёлый взгляд.

Отвлечись от наблюдения и пройтись по комнате, дойти до стены, постоять и вернуться обратно, посидеть на диване, послушать скрежет. В комнате нет дверей, только окна.

Подземный бассейн

Салатик из помидорки с огурчиком на скорую руку, несколько кусочков местами заплесневевшего хлеба, неопознанного вида рыба, которой обычно принято стучать по столу перед тем, как начать её есть, початая бутылка водки – привычный ужин в семье Гоши. Не смотря на поздний час, из направления кухни доносилась музыка, разбавленная невменяемым гулом пьяной мамы и её очередного собутыльника. Гоша не стал включать свет, чтобы не привлекать к себе внимания. Он тихо подошёл к двери на кухню и на минуту прислушался, оценивая расклад на ночь. Картина привычная: когда водка закончится, они неистово совокупятся и лягут спать на заблёванном полу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.